

Вырезка из газеты

КОМСОМОЛЕЦ
КУБАНИ

29 ЯНВ 1986

г. Краснодар

Встреча для вас

ОНИ СТОЯЛИ у самых истоков создания «Современника», театра, давно уже ставшего легендарным. В их творческих биографиях — десятки сыгранных ролей, а, значит, — десятки судеб их современников и глубокие размышления над ними. Оба они не только актеры театра, но и кинорежиссеры советского кино.

Она сыграла более тридцати киноролей. Он — более пятидесяти. И когда Людмила Иванова сказала: «Спрашивайте», — то ли по интонации ее голоса, то ли по выражению глаз я скорее почувствовал, чем понял, сколько же раз ей приходилось давать интервью.

Я не брал интервью. Это была просто беседа, во время которой Иванова постоянно просила: «Спрячьте свой блокнот. Давайте поговорим по-человечески. Как в жизни».

— Э-э, да вы не можете помнить того времени, — говорит Людмила Ивановна. — Сколько вам тогда было?

— Помню. Отца в широкополой фетровой шляпе и огромном, словно с чужого плеча, драповом пальто, за полы которого я прятался.

— Правда, помните? Тогда вам совсем нетрудно представить молодого Олега Ефремова. Он был одет точно так же, когда создавался «Современник»...

Она с упоением рассказывает о «том времени», с упоением и нежностью, как поют песни юности. В студии было человек пятнадцать актеров, пожарник, бухгалтер, работающий где-то еще по совместительству, режиссер Олег Ефремов и общественный директор в лице Олега Табакова, которому пошел 21-й год. Пьесы к постановке выбирались всем коллективом. Вопрос «Что ставить?» решался голосованием. Основным критерием выбора была гражданственность произведения. Никаких мудрствований, никакого позерства. Вот люди. Вот их чувства. Вот их позиции. И так все достаточно сложно. К чему еще усложнять? Дай бог в том, что есть, разобраться честно. И играть будем, «как в жизни», без придумывания.

Без придумывания, и чтобы честно, и чтобы на сцене — это, пожалуй, труднее всего. Не каждый мог выдержать. Потому и договорились сразу: у кого не получается, уходит по собственному желанию, без «сцен», без жалоб. Просто: простите и прощайте. Это честно.

И каждый знал, за что получает зарплату. И никто не хотел получить больше другого. Ее принесил бухгалтер — сразу на всех — и выкладывал на стол, потому что она была общей, как и работа. О том, кому сколько полагается по должности, знал только бухгалтер. Деньги делили поровну, здесь же, за столом. Впрочем, были штрафы за те или иные провинности. На «штрафные» рубли покупали фрукты для общего стола. Чтобы все честно.

Женщинам запрещалось пользоваться косметикой, модничать. И вообще никаких разговоров о тряпках. Театр должен быть чист. Иначе — нет смысла.

Это был «Современник». Но

космос, знали все, а имена бардов пока еще никому ни о чем не говорили. И лишь песни Окуджавы, словно страдая от бессонницы, уже блуждали по ночным московским улицам...

— Булат Шалвович... Пожалуй, с него начались и мои «шансонные увлечения», — Валентин Юрьевич смотрит поверх меня, словно там, за моей спиной, возник Окуджава. — Он пришел, и как-то сразу стало ясно: это — поэт. Поэт нашего поколения.

— А как вы семи относитесь к своим «шансонным увлечениям»?

— Хобби и не более того.

— Тем не менее, в 76-м году вышел ваш диск...

НЕИСТРАЧЕННАЯ НЕЖНОСТЬ

В КРАСНОДАРЕ ПРОШЛИ ВЫСТУПЛЕНИЯ АКТЕРОВ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА «СОВРЕМЕНИК». СЕГОДНЯ ВАШИ СОБЕСЕДНИКИ — ЛЮДМИЛА ИВАНОВА И ВАЛЕНТИН НИКУЛИН.

тогда он еще не был тем самым «Современником». Его называли просто студией при МХАТе. А между собой — коммуной, в которой собирались энтузиасты, притягиваемые друг к другу идеей создания чего-то совершенно нового. Идея эта не родилась вдруг. Она вынашивалась духом того времени — середины 50-х. Времене, когда уже появились первые стихи Вознесенского, но он еще не был тем самым Вознесенским. Просто студент архитектурного, будоражающий своими рифмами московских сверстников... Когда далеко не каждая строка совсем еще юного Евтушенко находила свое место в печатных изданиях, но легко прописывалась в студенческих театрах и на молодежных вечерах благодаря своей неповторимой искренности... Когда неожиданно и ново звучал саксофон Козлова, но послушать его приходили только те, кто действительно любил его музыку, ибо музыка уже была, а имени еще не было... Это были дни первых искренних спутников земли и городских бардов, но имена и породу собак, полетевших в

— Все, что я могу об этом сказать: мне не стыдно. Но вообще отношусь к этому с «прищуром». Понимаете? Я люблю музыку, люблю поэзию. Самойлов, Левитанский, Окуджава — это мое, то, что меня определяет. Я просто должен

был запеть, но... как актер. — Ваши роли в кино — это целая вереница гибнущих мечтателей, донкихотствующих чудачек, возвышенных филантропов...

— Это жертва... Как бы вам это объяснить... Можно сыграть тоску по дому, по родному человеку, по любимому делу. А как сыграть тоску по духовному в нас? По мировой культуре? Как доказать величие этих понятий? Только самопожертвованием.

— После того, как вы исполнили роль Смердякова в фильме «Братья Карамазовы», о вас начали говорить как о «человеке Достоевского», то есть за вами признали статус мастера в исследовании тончайших движений души человеческой...

— Я понял. Вас интересует мой метод. Но его нет. В роли актер всегда должен чего-то не понимать. Если, изучив пьесу, он говорит: «Мне все ясно», — это будет мертвая роль. Ясность должна появляться там, на сцене. И каждый выход на сцену — это новое постижение роли, себя, других. Я не знаю, что из этого получается, и верю на слово, когда мне говорят, что плохо и что хорошо. Это мой способ существования в тексте. Ну, вы должны это понять — роль, как джазовая импровизация, когда музыку не исполняют, музыкой просто мыслят.

— Вы увлекаетесь джазом?

— Да, конечно. Долгое время старался не пропускать новинок. Но, признаться, последние годы все чаще возвращаюсь к Питерсону, Паркеру,

Фитцджеральд. Они не только музыканты, но и настоящие артисты. Это были «люди из нас», из «немузыкантов». Их талант столь демократичен, что думается: да ведь это ты сам играешь. И потом этот блюзовый ритм общения! В нем есть шаг! Есть рывок. Есть вдох и выдох. Завораживающая естественность. Настоящий театр. А что происходит на современной эстраде? Разве этому можно соперничать? Многие певцы просто утратили свое лицо. Глядя на них, иногда думаю: как хорошо быть драматическим актером и иметь счастливую возможность не бросаться на первую попавшуюся песню. По-моему, им не хватает иронии. Они не могут посмотреть на себя с «прищуром».

Он усмехается и, уже не замечая меня, начинает размышлять вслух о том, какой исключительной иронией должен был обладать Эйнштейн, чтобы сделать открытие, поставившее с ног на голову — или наоборот — представления ученых умов о физике.

Своеобразный моноспектакль в беседе... Ирония — кровь и плоть «Современника». Этого не надо доказывать. Достаточно вспомнить героев Ефремова, Табакова, Евстигнеева. Любить того, над кем смеешься, чтобы смех не был испепеляющим.

Когда на экраны вышел кинофильм «Служебный роман», старший сын Людмилы Ивановны, Ваня (тогда он учился в седьмом классе), с предельной деликатностью в голосе попросил: «Мам, ты не ходи пока в школу. Тебя там сейчас никто за приличного человека не считает».

— В «Служебном романе» вы сыграли председателя профкома с таким знанием дела...

— Еще был! Я ведь и есть председатель профкома — в «Современнике».

— Стало быть, все «как в жизни»?

— Нет, не все. Мне всегда выпадали роли женщин, которые не говорили слов любви. Обидно. Всякая актриса, придя в кино, тайно или явно мечтает сыграть «про любовь». Мне же не везло. Может, отсюда во мне столько неистраченной нежности?

Она и впрямь похожа на человека, который всю жизнь копил в себе нежность, чтобы в один миг выплеснуть ее легко и щедро на тех, кто рядом. Вы слышали, как она поет? В тот вечер она тоже села за пианино и стала петь старые, хорошо известные песни «про любовь».

Эти песни исполняли многие профессиональные певцы, но не многие знают, что их автор — сама Людмила Иванова. У нее много песен. Их брали в свой репертуар Елена Великанова, Майя Кристалинская, Валентина Толкунова. Их любила петь Анна Герман. Добрые, нежные песни. И почти все — чуть-чуть ироничные. В этом, наверное, их обаяние.

— Людмила Ивановна, говорят, актеру, чтобы сыграть правдиво, нужно играть самого себя. А ваши героини чаще всего — полная ваша противоположность...

— Это только внешне. У всех людей есть что-то общее. Нужно только покопаться и найти. Например, в спектакле «Эшелон» по пьесе М. Рошана я играла Савишну — деревенскую женщину, подозрительную и недобрую. Война. Эвакуация. Савишна оказывается в теплушке эшелона, идущего на восток. Ей ни до кого нет дела. Одна ее забота — не стащили бы соседки-попутчицы ее сало. Но горе, царящее вокруг, сближает людей. И к финалу спектакля, когда женщины провожают на фронт летчиков, молчаливая и замкнутая Савишна кричит во все горло вслед уходящему на фронт составу: «Ребята, сохрани вас господь!». Всю себя вкладывает в это пожелание. Я долго не могла понять, как сделать эту роль честной, глубоко правдивой. И вдруг стало ясно: играть-то надо не тяжелого человека, а человека тяжелой судьбы. Так, чтобы каждый понял: не родилась она такой — стала. И чтобы задумался — почему? Такой поворот позволил мне вложить в эту роль много своего, наболевшего. Даже последний ее крик: «Ребята, сохрани вас...» — теперь звучал по-иному. И зрители чувствовали, что обращаюсь я к ним...

Как часто за ерундой и суетой мы забываем, что есть вещи более значимые, что нужно сделать нечто большее, и что обязательно надо успеть...

Она умолкает и смотрит на меня так, словно испугалась, что я могу неправильно понять ее: — ...Большее — не значит громкое. На свете так много людей, которым нужны просто добрые слова, твое внимание, твоя забота. Нельзя скупиться на доброту, на сердечную нежность, которые вроде бы и твои, но принадлежат другим...

Владимир МАКАРОВ,
наш корр.